

Научная статья

УДК 332.1(571.6)

<https://elibrary.ru/IJVHUFU>

Территория для жизни: мастер-планы, социальная инфраструктура и демографический разворот Дальнего Востока

**Эльвира Рамиловна
Нургалиева**

Заместитель Министра
Российской Федерации
по развитию Дальнего
Востока и Арктики

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что в условиях исчерпания предложения труда на Дальнем Востоке социальная и пространственная политика приобретает статус экономической стратегии: демографический блок целевых индикаторов образует смысловую границу между инерционным и целевым сценариями Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года. На статистическом материале охарактеризован состоявшийся демографический разворот – переход от среднегодовой миграционной убыли свыше 30 тыс. человек в 2010-е годы к миграционному приросту 24,2 тыс. человек в 2024 году при рождаемости выше среднероссийской на 13%, – а также его незавершенность. С опорой на теорию выталкивающих и притягивающих факторов миграции и концепцию «качества места» раскрыта трехконтурная архитектура политики народосбережения: мастер-планы 25 городов как ядро пространственно-социальной политики (расчетные эффекты – прирост населения агломераций на 7%, внутреннего городского продукта – на 45%); опережающие стандарты социальной инфраструктуры и сервисов в здравоохранении, образовании и креативной экономике; дальневосточный демографический пакет. Показана система управления реализацией на базе цифровой информационной системы (1200 объектов, 57 контрольных точек по каждому). Целевая траектория – стабилизация численности населения на уровне 7,9 млн человек с накопленным миграционным приростом 181 тыс. человек к 2036 году – интерпретируется как необходимое условие реализации экономических целей опережающего развития.

Ключевые слова: народосбережение, демография, миграция, мастер-планы городов, качество городской среды, социальная инфраструктура, человеческий капитал, Дальний Восток, опорные населенные пункты, стратегическое планирование

Для цитирования: Нургалиева, Э. Р. Территория для жизни: мастер-планы, социальная инфраструктура и демографический разворот Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2026 № 3 (116). С. 51–56. EDN: IJVHUFU

Original article

Territory for living: Master Plans, social infrastructure and demographic turnaround of the Far East

Elvira R. Nurgalieva

Deputy Minister of the Russian Federation for the Development of the Far East and Arctic, Moscow, Russia

Abstract. This article argues that, given the depletion of labor supply in the Far East, social and spatial policy is acquiring the status of economic strategy: demographic set of target indicators forms the semantic boundary between the inertial and target scenarios of the Strategy for socioeconomic development of the Far-Eastern Federal district until 2030 with a forecast to 2036. Statistical material characterizes the demographic turnaround that has taken place – the transition from an average annual migration loss of over 30,000 people in the 2010s to a migration gain of 24,200 people in 2024 with a birth rate 13% higher than the Russian average – and its incompleteness. Drawing on the theory of push and pull factors of migration and the concept of «quality of place,» the three-loop architecture of population-preservation policy is revealed: master plans for 25 cities as the core of spatial-social policy (the estimated effects are a 7% increase in the population of agglomerations and a 45% increase in the internal urban product); advanced standards of social infrastructure and services in healthcare, education, and the creative economy; and the Far-Eastern demographic package. A system for managing implementation based on a digital information system is presented (1,200 objects, 57 checkpoints for each). The target trajectory – population stabilization at 7.9 million with an accumulated net migration increase of 181,000 by 2036 – is interpreted as a necessary condition for achieving the economic goals of accelerated development.

Keywords: population conservation, demography, migration, city master plans, urban quality, social infrastructure, human capital, the Far East, core communities, strategic planning

For citation: Nurgalieva, E. R. (2026) Territory for living: Master Plans, social infrastructure and demographic turnaround of the Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (116), pp. 51–56. EDN: IJVHFU

Введение

В архитектуре Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года [Стратегия ..., 2026] демографический блок выполняет особую функцию: именно он образует смысловую границу между сценариями. Инерционный сценарий при вполне ощутимом экономическом росте означает сокращение численности населения округа до 7476 тыс. человек; целевой – ее стабилизацию на уровне 7866 тыс. с накопленным миграционным приростом 181 тыс. человек. Разница почти в 400 тыс. че-

ловек – это не социальное приложение к экономическому прогнозу, а его несущая конструкция: в условиях, когда предложение труда в макрорегионе практически сравнялось со спросом на него, ни один из секторов нового инвестиционного цикла не может быть развернут без людей, которые будут в нем работать и для которых он создается.

Из этого следует принципиальный тезис настоящей статьи: на Дальнем Востоке социальная и пространственная политика перестала быть распределением плодов роста и стала его условием – экономической стратегией в собственном смысле

слова. Логика государственной политики при этом смещается от удержания уезжающих к притяжению приезжающих: как показывает классическая теория миграции, решение о переезде формируется балансом выталкивающих и притягивающих факторов на обеих территориях [Lee, 1966], и долгосрочно выигрывают территории, целенаправленно наращивающие притягивающие факторы – качество среды, сервисов и возможностей, которое современная урбанистика описывает категорией «качества места» [Florida, 2002; Glaeser, 2011]. Задача статьи – показать на данных состоявшийся демографический разворот и его пределы, раскрыть трехконтурную архитектуру политики народосбережения (мастер-планы – социальная инфраструктура – демографический пакет) и охарактеризовать целевую траекторию до 2036 года.

1. Демографический разворот: достигнутое и незавершенное

Демографическая история Дальнего Востока постсоветского периода – история длительного оттока: макрорегион потерял с 1991 года около четверти населения, и устойчивость этого тренда подробно документирована в литературе [Мотрич, 2006; Зубаревич, 2010], включая специфический механизм молодежной образовательной миграции, при котором за уезжающими учиться детьми следуют родители [Мкртчян, 2017].

Данные последних лет фиксируют перелом (табл. 1). Среднегодовая миграционная убыль 2010-х годов, превышавшая 30 тыс. человек, сменилась в 2024 году миграционным приростом в 24,2 тыс. человек впервые за постсоветский период. Численность молодежной когорты 20–24 лет выросла на 30 тыс. человек. Суммарные показатели рождаемости

в округе на 13% превышают среднероссийский уровень, а доля многодетных семей – на 20% выше средней по стране. Качество городской среды, измеряемое федеральным индексом, выросло со 145 баллов в 2018 году до 198 баллов в 2024 году; ввод жилья в 2025 году на 66% превысил уровень 2013 года при лидерстве округа по темпам роста этого показателя три года подряд.

Вместе с тем разворот не завершен. В большинстве субъектов округа сохраняется сокращение численности населения за счет естественной убыли и снижения рождаемости; миграционный приток пока концентрируется в ограниченном числе центров. Показательна и структура общественного запроса: по данным социологических замеров, наиболее значимыми проблемами жители называют стоимость жизни (73% респондентов), уровень здравоохранения (59%) и качество городской среды (48%); опрос, сопровождавший общественное обсуждение Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года, дал согласованную картину – низкие доходы при высоких ценах (60%), кадровый дефицит (55%) и неблагоустроенность населенных пунктов (54%) названы главными факторами, сдерживающими развитие макрорегиона. В терминах миграционной теории [Lee, 1966] это точный перечень выталкивающих факторов, подлежащих нейтрализации, и одновременно техническое задание на политику народосбережения.

2. Мастер-планы как ядро пространственно-социальной политики

Центральным инструментом преобразования среды стали мастер-планы дальневосточных городов – долгосроч-

Таблица 1

Индикаторы демографического разворота Дальнего Востока

Показатель	Было	Стало
Миграционный баланс, тыс. человек в год	–30 и более (2010-е гг.)	+24,2 (2024 г.)
Индекс качества городской среды, баллов	145 (2018 г.)	198 (2024 г.)
Ввод жилья (к уровню 2013 г.), %	100	166 (2025 г.)
Рождаемость относительно среднероссийской, %	–	+13
Численность когорты 20–24 лет, тыс. человек	–	+30

Источник: составлено автором.

ные планы комплексного социально-экономического развития, утвержденные распоряжениями Правительства Российской Федерации для 25 городов, образующих 22 агломерации [Долгосрочные ..., 2023]. Методологическая новизна мастер-планов – первого контура в архитектуре политики народосбережения – состоит в соединении в одном документе градостроительного, экономического и социального планирования: в отличие от традиционных генеральных планов, мастер-план исходит из целевой модели экономики города и проектирует среду как фактор притяжения людей и инвестиций – в логике исследований, связывающих динамику городов с их способностью привлекать и удерживать человеческий капитал [Florida, 2002; Glaeser, 2011].

Расчетные эффекты реализации мастер-планов, выполненные с использованием моделей ФАНУ «Востокгосплан», характеризуют масштаб ожидаемого сдвига: прирост населения агломераций – на 7%, внутреннего городского продукта – на 45%, числа рабочих мест – на 23%. По консервативной оценке, реализация мастер-планов к 2030 году обеспечит решение о переезде на Дальний Восток либо отказ от отъезда для порядка 300 тыс. человек. Финансовое наполнение опирается на связку инструментов: программу «Дальневосточная ипотека», по которой жильем обеспечены 123 тыс. семей; механизм «Дальневосточного квартала», в рамках которого по соглашениям строится 1,8 млн кв. м жилья с комплексной инфраструктурой; ежегодное финансирование благоустройства городов в объеме 5 млрд руб. по федеральному проекту формирования комфортной городской среды; президентскую единую субсидию, за счет которой построено и реконструировано 119 объектов социальной инфраструктуры.

Особого внимания заслуживает система управления реализацией мастер-планов. Мониторинг мероприятий мастер-планов ведется в информационной системе управления проектами, охватывающей 1200 объектов с 57 контрольными точками по каждому – от финансирования и контрактации до строительной готовности, с анализом обеспеченности ресурсами, включая кадры и строительные материалы. Тем самым

пространственно-социальная политика получает то, чего исторически была лишена, – операционную дисциплину инвестиционного проекта.

Следующий шаг, закреплённый Стратегией [Стратегия ..., 2026], – масштабирование подхода: система расселения округа проектируется на базе 214 опорных населенных пунктов, концентрирующих почти три четверти населения; по 25 из них уже реализуются мастер-планы, по остальным – рост качества среды будет обеспечен программами развития в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни».

3. Социальная инфраструктура и сервисы: опережающий стандарт

Второй контур политики народосбережения – доведение социальных сервисов до уровня, компенсирующего объективные дальневосточные удорожания и расстояния, а по ряду позиций – превышающего среднероссийский стандарт.

В здравоохранении применяется повышающий коэффициент доступности медицинской помощи, увеличивающий финансирование отрасли на 9 млрд руб. ежегодно; дополнительно 5 млрд руб. в год обеспечивает коэффициент ценовой дифференциации и 2 млрд руб. – программа санитарной авиации, критически значимая для территорий с низкой транспортной связанностью.

В образовании реализуется пакет мер, прямо адресованный механизму образовательной миграции [Мкртчян, 2017]: ежемесячные стипендии 30 тыс. руб. лучшим ученикам школ, расширение подготовки в колледжах (более 100 тыс. студентов за десять лет, 17 кластеров «Профессионалитета»), программа «Приоритет-2030. Дальний Восток», в рамках которой 12 университетов, 23 консорциума и 64 лаборатории реализуют 194 образовательные программы, а также программа подготовки управленческих кадров «Муравьев-Амурский 2030», выпустившая для государственного управления макро-регионом 300 специалистов. Логика этого блока состоит в превращении университетов из канала оттока молодежи в институты развития территории: доступность качественного высшего образования на месте устраняет главный выталкивающий фактор для семей с детьми школьного возраста.

Третий элемент второго контура – креативная экономика как фактор качества места [Florida, 2002]: создание четырех музейных комплексов (13 млрд руб., ввод к 2030 году), четырех объектов киноиндустрии (11 млрд руб., запуск с 2026 года) и пяти креативных кластеров. Для молодежной когорты, чья миграционная мобильность максимальна, насыщенность культурной среды выступает не дополнением к базовым сервисам, а самостоятельным аргументом выбора места жизни.

4. Демографический пакет и целевая траектория

Третий контур – прямые демографические меры: дальневосточный демографический пакет, включающий повышенные выплаты при рождении детей, льготную ипотеку под 2% с расширением на вторичный рынок в моногородах, программу «Дальневосточный гектар» и меры поддержки многодетных семей. Их результативность прослеживается в уже достигну-

том превышении рождаемости над среднероссийским уровнем; задача нового цикла – конвертировать это преимущество в устойчивый естественный прирост.

Целевая траектория Стратегии [Стратегия ..., 2026] задает демографической политике измеримые обязательства (табл. 2): стабилизация численности населения округа на уровне 7866 тыс. человек к 2036 году (против сокращения до 7476 тыс. в инерционном сценарии), накопленный миграционный прирост – 181 тыс. человек, рост ожидаемой продолжительности жизни – до 81 года. Существенно, что демографические и экономические индикаторы целевого сценария взаимосвязаны: прогнозируемый рост высокотехнологичных секторов невозможен без кадров, а удержание и привлечение кадров – без роста доходов и качества среды, финансируемого этим ростом. Политика народосбережения замыкает этот контур.

Таблица 2

Демографические параметры сценариев Стратегии к 2036 г.

Показатель	Инерционный сценарий	Целевой сценарий
Численность населения, тыс. человек	7 476	7 866
Накопленный миграционный прирост, тыс. человек	–	+181
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	–	81

Источник: составлено автором.

Заключение

Дальний Восток прошел первую, самую трудную часть демографического разворота: тридцатилетний отток сменился притоком, рождаемость превысила среднероссийскую, качество городской среды выросло на треть за шесть лет. Проведенный анализ позволяет сформулировать три вывода. Во-первых, в условиях исчерпания предложения труда социальная и пространственная политика макрорегиона приобрела статус экономической стратегии: демографические индикаторы образуют границу между сценариями развития, а инвестиции в человека и среду – необходимое условие реализации инвестиций в производство. Во-вторых, сложившаяся трехконтурная архитектура – мастер-планы и опорные населенные пункты, опережающий стандарт социальных сервисов, демографический пакет – адресно нейтрализует выталкивающие факторы, зафиксирован-

ные в общественном запросе, и наращивает притягивающие, действуя в логике, подтверждаемой миграционной теорией и урбанистикой [Lee, 1966; Florida, 2002; Glaeser, 2011]. В-третьих, политика получила операционную дисциплину: расчетные эффекты, контрольные точки и цифровой мониторинг переводят «территорию для жизни» из метафоры в управляемый проект с верифицируемыми параметрами.

Дальнейшая исследовательская повестка включает оценку фактического вклада мастер-планов в миграционную динамику агломераций по мере их реализации, анализ дифференциации демографического отклика между опорными населенными пунктами разных типов и эмпирическую проверку связи между качеством среды и закреплением молодежных когорт – вопросы, ответы на которые определяют настройку политики народосбережения на втором этапе реализации Стратегии.

Список источников/References

1. Долгосрочные планы комплексного социально-экономического развития городов Дальневосточного федерального округа: утв. распоряжениями Правительства Российской Федерации от 31.07.2023 № 2058-р и от 29.12.2023 № 4073-р.

Long-term plans for the integrated socio-economic development of cities in the Far Eastern Federal District: approved by Orders of the Government of the Russian Federation dated 07/31/2023 No. 2058-r and dated 12/29/2023 No. 4073-R.(in Russ.).

2. Зубаревич, Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. С. 160. ISBN: 978-5-903599-10-3 EDN: VNFDJX

Zubarevich, N. V. (2010) Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow: Independent Institute of Social Policy, p. 160 (in Russ.).

3. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 EDN: YORVWV

Mkrtchyan, N. V. (2017) Migration of youth from small towns in Russia. *Monitoring of public opinion: economic and social changes.* No. 5. pp. 225–242 (in Russ.).

4. Мотрич, Е. Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. ISBN: 5-7442-1413-5 EDN: QOPCUR

Motrich, E. L. (2006) The Population of the Russian Far East. Vladivostok; Khabarovsk: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. ISBN: 5-7442-1413-5 EDN: QOPCUR (in Russ.).

5. Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года (проект): подготовлена Минвостокразвития России, 2026.

Strategy of Socio-economic Development of the Far Eastern Federal District until 2030 with a forecast until 2036 (draft): prepared by the Ministry of the Far East Development of Russia, 2026, (in Russ.).

6. Lee, E.S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no. 1, pp. 47–57. DOI: 10.2307/2060063

7. Florida, R. (2002) The Rise of the Creative Class. New York: Basic Books.

8. Glaeser, E. (2011) Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. New York: Penguin Press.

Статья поступила в редакцию 17.07.2026; одобрена после рецензирования 14.08.2026; принята к публикации 17.08.2026.

The article was submitted 17.07.2026; approved after reviewing 14.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

Информация об авторе

Э. Р. Нурғалиева – заместитель Министра Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Москва, Россия
pr.05@minvr.gov.ru

Information about the author

E. R. Nurgalieva – Deputy Minister of the Russian Federation for development of the Far East and Arctic, Moscow, Russia
pr.05@minvr.gov.ru